

A stylized, high-contrast illustration of a woman's face and hair. The woman has light-colored eyes and pink lips. Her hair is dark and voluminous, with several colorful butterflies (blue, yellow, and orange) perched on it. The overall style is graphic and artistic, with bold outlines and a limited color palette.

**БАБОЧКА
НА АПЕЛЬСИНОВОЙ
ДОЛКЕ**

Алина Ермолаева

Алина Ермолаева
Бабочка
на апельсиновой дольке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61930763

ISBN 9785005155436

Аннотация

Еще в детстве Надя узнает, что значит остаться без тех, кого любишь. Осиротев очень рано, а после потеряв любовь родного человека, она решает посвятить себя лечению человеческих сердец. Надежда становится успешным кардиологом, позабыв о своем собственном сердце. Ее жизнь удачна и проста. Но однажды судьба дарит ей случайную встречу с первой и единственной любовью. Вот только теперь все слишком сложно. История жизни и любви одной женщины.

Содержание

СВОЙ ПУТЬ	5
Глава 1	6
НАДЕЖДА	6
Глава 2	26
Марк	26
Глава 3	38
САМАЯ ЛУЧШАЯ	38
Глава 4	52
ВСТРЕЧА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бабочка на апельсиновой дольке

Алина Ермолаева

© Алина Ермолаева, 2020

ISBN 978-5-0051-5543-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВОЙ ПУТЬ

Каждый человек должен пройти свой собственный путь. И путь этот приходится проходить босым, натываясь голыми ступнями на острые камни, делая остановки, чтобы зализать, словно дикий зверь, свои раны. Каждому отмерено столько слез и страданий, сколько способно выдержать его сердце. Нельзя мешать человеку проходить его личный путь, он должен сам набить свои шишки и сам же исправить все свои ошибки, сделать выводы, покаяться, отпустить обиды, рассыпаться на тысячу осколков и снова себя собрать – отточить мастерство. И тогда, и только тогда, он достигнет своих собственных звёзд.

Глава 1

НАДЕЖДА

«Я помню, как выбирала своих родителей. Мне очень понравился мой отец – красивый, любящий, заботливый. Мои родители стояли передо мной, оба обнаженные, в какой-то деревенской бане. Но, Боже мой, как это было прекрасно, потому что в каждом их касании друг друга было море нежности. Моя будущая мама, скорее принимала любовь своего человека, а он готов был ее отдать безмерно.

Впрочем, это было не столь важным для меня. Немедленно мне захотелось остаться с этой юной и любящей парочкой, стать их ребенком, чтобы полностью окунуться в эту любовь. Когда я однажды описала это место маме, она удивилась, потому что я там никогда не была. Но я-то все «видела» и запомнила.

У меня вообще очень цепкая память. Я помню всё. Хорошее, что получила я от людей и жизни, но также и плохое. Я помню каждый свой промах и каждую победу. Помню даже свои первые шаги по земле. Закрываю глаза и вижу две сильные руки, мамину и папину, поддерживающие меня и не дающие упасть. Помню ощущения этих первых шагов –

это как полет. Я помню каждый свой поцелуй и каждый восторг любви. Но я не могу забыть ни одной слезы, пролитой из моих глаз по чьей-то вине и по своей собственной глупости. Я не обижаюсь. Я просто помню. Помню глаза, которые смотрели на меня по-доброму, но никогда не забуду тех глаз, в которых читались зависть и ненависть. Мои воспоминания разные, как оттенки картины или нюансы аромата дорогих духов, запертых в необычном по форме флаконе. И все они мной прочувствованы, а потому безмерно для меня дороги. Ведь они и есть моя жизнь».

Она поставила точку и, сохранив файл, закрыла ноутбук. Солнечный свет пробивался сквозь неплотно задернутые занавески. Она сладко потянулась в постели, испытывая удовольствие от ощущения свежести и красоты своего стройного тела. Быстро встав с кровати, она распахнула шторы и широко улыбнулась новому дню. Ее сердце билось ровно в груди. Она никого не любила, никому не принадлежала и была совершенно счастлива.

Родители дали ей имя Надежда в честь папиной матери, которую она никогда не видела, потому что та умерла еще до ее рождения. Надя никогда не любила своего имени. Оно казалось ей каким-то тяжелым, словно груз, который тебе навязали и от которого ты никак не можешь избавиться. Она не любила надеяться, очень рано осознав, что всякая надеж-

да – зло, ибо шансы на то, что она не разобьется вдребезги, очень невелики, и всякий раз, когда очередная надежда рассыпается с громким треском прямо перед твоими глазами, ты испытываешь невероятную боль.

Так, например, Надя в возрасте семи лет очень надеялась на то, что мама родит ей сестренку, о которой она так давно мечтала и с которой вела у себя в голове длинные диалоги. Мама ходила с таким огромным животом, и Надя была уверена в том, что очень скоро она сможет разговаривать с сестрой по-настоящему. Она надеялась и ждала. Приложив ухо к животу, прислушивалась, как бьется сердечко ребенка в мамином чреве, и думала о том, что вскоре сможет нянчить маленького, катать его в красивой коляске, петь крохе колыбельные.

Увы, надежда на это рухнула в одночасье, когда из больницы маму выписали одну, очень грустную и совсем на себя непохожую.

– А где же ребеночек? – с удивлением спросила Надя родителей.

Но они отводили от нее свои потухшие глаза.

– Вы ее куда-то спрятали?

Надежда не хотела покидать ее маленького наивного сердца.

– Где она? Мама, где моя сестренка? Ты что, забыла ее в больнице?

Надежда все острее цеплялась за девочку, но жуткая прав-

да уже висела в воздухе, готовясь со всей силы ее разбить.

Родители продолжали молчать. Папа отвел маму в спальню, и та, рухнув на кровать, зарыдала. Надя никогда не слышала и не видела, чтобы мама плакала. У них была дружная и любящая семья, в которой царили мир и понимание. Кроме того, она никогда не видела свою мать поверженной, сломленной, а потому истерика мамы привела девочку в шок.

Отец мягко взял дочку за руку, вывел из спальни и, прикрыв осторожно дверь, за которой продолжался мамин плач, притянул к себе. Он гладил ее светлые, льняные волосы и молчал. Пришел черед плакать Наде, потому что ее большая надежда иметь родную сестренку, для которой все вместе они уже придумали имя – Машенька, начала разлетаться на много мелких и очень острых осколков, каждый из которых попадал ей прямо в глаза.

– Не плачь, Надюшка, – сквозь слезы проговорил папа. – Будет у тебя другая сестренка. Пусть не сразу, года через два, но обязательно будет.

– А где же эта? Она умерла?

– Она на небе, малыш.

И Надя снова начала надеяться. Сначала она ждала новую сестренку, каждый день приглядываясь к маминому животу, и задавалась вопросом: «Не увеличился ли он в размерах?». Спросить маму о беременности девочка не решалась, она видела, как больно было матери справиться со своим горем.

Из сильной, волевой, жизнерадостной женщины, она превратилась в какую-то тень с потухшими глазами. Уж как только папа ее ни радовал – и букеты цветов приносил, и водил их с Надей в кино и парки, дарил колечки и сережки – ничего не помогало. И теперь уже девочка надеялась не на сестру, а хотя бы на прежнюю веселую, живую маму, смотрящую не поверх ее головы, что очень пугало Надю, а прямо ей в глаза, как раньше, обнимающую и целующую ее перед сном, интересующую школьными делами дочки. Она ждала и всем сердцем верила в то, что однажды утром ее прежняя мама обязательно вернется, расцелует ее и папу, и все будет хорошо. Однако с каждым днем все становилось только хуже.

Врач прописал маме какие-то таблетки, от которых она делалась не просто грустной, но еще и сонной. Часто она ложилась прямо днем в кровать и засыпала крепким сном на долгие часы, до тех пор, пока с работы не возвращался папа и не начинал готовить им ужин.

Надя видела, что такая мама делает ее отца несчастным. Атмосфера в их когда-то счастливом доме становилась настолько тягостной, что Надя не спешила домой из школы. Очень долго она играла во дворе одна и мечтала о том, как хорошо было бы, если бы ее маленькая сестренка не умерла в роддоме.

Однажды девочка не выдержала и сказала в слезах отцу: – Пап, давай от мамы уедем! Хоть на недельку! К тете Све-

те, папочка, милый, пожалуйста!

Тетя Света была отцу родной сестрой и жила в просторном доме в Подмосковье. Надя не раз слышала, как она предлагает ему по телефону приехать погостить, чтобы немного сменить обстановку. Но папа всегда отказывался.

Девочка смотрела на него полными слез глазами, снова надеясь на чудо.

Но отец очень серьезно посмотрел в ее небесные, такие же, как у мамы, глаза и ответил:

– Большая беда поистине родных людей только сближает. Они стремятся друг к другу сильнее, пытаясь помочь, утешить и утешиться в любимых объятиях. Они берегут друг друга, ещё крепче прижимая к сердцу, как хрупкую драгоценность, которую очень страшно потерять, дарят ещё больше любви, тепла и нежности. Чужих беда отталкивает. Она выуживает на поверхность все то, что раньше таилось внутри и не бросалось в глаза, а кто-то, возможно, на многое просто эти глаза закрывал. Теперь же ещё сильнее их режет безразличие, безучастие, холод. Легко быть рядом, когда все хорошо. А вот быть вместе в горе могут далеко не все. Пришла беда, не плачь, а смотри, кто вы друг другу. Родные становятся ближе. Чужие бегут. Разве мы можем оставить твою маму? Разве мы не родные ей люди?

– Конечно, родные, – согласилась Надя, и, стерев слезы ладошкой, попыталась улыбнуться отцу. Она очень сильно его любила и не хотела расстраивать, а потому молча пошла

в свою комнату и села за уроки.

Уже будучи взрослой, она услышала от своей однокурсницы Лиды, с которой немного сблизилась за годы учебы в университете: «Синдром хорошей девочки» нужно сломать, иначе рано или поздно, он сломает тебя. Это даже не «синдром отличницы», это гораздо хуже. Неумение отказывать тем, кого любишь, постоянное стремление им помочь, абсолютно забывая на себя, на свои желания и потребности. «Сначала мои близкие, потом уже я». Знакомо? Им самый лучший кусок блюда, а тебе только то, что останется. Остаётся, к слову, всегда ничего или крошки, которые ты с грустью собираешь с тарелки, утешая себя тем, что главное – все сыты и получили удовольствие. Стоп, а твоё удовольствие где? Этого ты не знаешь, ведь на себя плюешь, вернее, убеждаешь себя в том, что тебе плевать. Потому что однажды внутри тебя происходит настоящее вселенское восстание. Ты вдруг ловишь себя на том, что не хочешь и даже не можешь угодить всем. Отдавать, заряжать позитивом, подавать всем руку и быть опорой тому, кто в реально трудную для тебя минуту, поморщившись, цедит сквозь зубы: «Ну, что ты ноешь, добавь позитива!» А хочется иногда ныть! Хочется, чтобы хоть раз в жизни пожалели, прижали к себе и не смеялись над твоей «ерундовой» проблемой, тем более, когда она вовсе и не ерундовая. Хочется, чтобы переживали за тебя точно так же, как ты вечно переживаешь за всех. Чтобы помогли, утешили, в конце концов. Про-

сто однажды надоедает быть сильной и понимающей и хочется на ручки. Быть слабой, маленькой и беззащитной, любимой. Да, черт возьми, любимой до мозга костей, эгоистичной, взбалмошной, и не испытывающей за это никаких угрызений совести. И пусть, все, кто привык тобой пользоваться, недовольно шипят тебе в спину. Зато ты начинаешь жить для себя. Ты учишься...»

Но в детстве ее этому никто не учил.

Мама часто плакала. Однажды Надя не выдержала, подошла к ней и прокричала:

– Мама, почему ты все время грустная? Почему ты постоянно плачешь? Ты совсем меня перестала любить. Ты даже не замечаешь меня, никогда больше не целуешь. Ты плачешь по сестренке, хотя даже и не знала ее, а меня словно нет, словно это я умерла, а не она!

Мать перестала плакать на минуту и, посмотрев дочке в глаза, сказала:

– Знаешь, слёзы – это не вода. Слёзы – это море, которое вытекает по капле из самого сердца. Море любви, нежности, терпения, море прощения. И если человека никогда не утешать, отмахиваться от его проблем, игнорировать его чувства, то это море, однажды, полностью высохнет. Человек плакать перестанет. И любить тоже.

– Но разве мы с папой тебя не утешаем? – все громче кричала девочка. – Разве не хотим развеселить? А кто утешит

меня? Ты думаешь, тебе одной плохо? А вот и нет! Папа очень страдает, только он сильный, а ты слабачка!

Мать лишь посмотрела на нее стеклянным взглядом, в котором не видно было жизни. Надя предпочла бы, чтобы ей влепили пощечину, только бы мама хоть как-то отреагировала на нее. Но та сидела в своем углу застывшая, словно статуя, и раскачивалась из стороны в сторону.

– Ненавижу тебя! – процедила девочка сквозь зубы и убежала в свою комнату.

Если бы она знала, что эти злые слова, которые она бросила от отчаяния в лицо своей матери, станут последними, она бы ни за что их не произнесла. Но она не знала, что на следующее утро ее мама выбросится из окна, а сама она наполовину осиротеет.

У любого человека в душе свой лимит. Лимит прощения, веры, надежды и мечты. И никто, даже, он сам, не знает, когда он может наступить, где и чему наступит предел. Это как болевой порог, у каждого он свой, и не понимаешь, что сможешь вынести, пока у тебя по-настоящему что-нибудь не заболит.

Со смертью мамы, Надя утратила последнюю надежду на любовь. Она просто перестала в нее верить.

Нельзя сказать, что с отцом она была несчастной, он, как мог, пытался компенсировать ей отсутствие матери – читал ей на ночь сказки, готовил, помогал с уроками. Но все же, как он ни старался, Наде катастрофически не хватало жен-

ской ласки, которую мужчина дать не в состоянии. Девочка очень сильно грустила по маме, по той самой, какой она была когда-то до смерти младенца. И в тоже время, она ее ненавидела, не понимая, как можно было покинуть навсегда своего живого и здорового ребенка.

«Если у меня когда-нибудь родится дочка, – говорила она своим куклам, – я ни за что ее не оставлю. Я буду всегда ее оберегать, заботиться и целовать».

Надя больше не надеялась на любовь, но все равно в ней отчаянно нуждалась.

Однако, жалея отца, она никогда не показывала своих слез, рассудив, что с него довольно и того, что он пережил. После смерти жены, которую он любил до безумия, этот молодой и привлекательный мужчина постарел на глазах лет на десять, сгорбился, а на висках у него отчетливо проступили седые волосы. Надя помнила, как на ее папу раньше заглядывались все мамины подруги, такой он был красавчик, и ее детское сердечко сжималось от боли и отчаяния, но она всегда улыбалась, чтобы хоть как-то подбодрить родного человека.

Таить в себе чувства и эмоции Надю никто не учил, она сама приобрела этот навык, как средство защиты своего сердца от жестокого к ней мира. Интуитивно девочка понимала, что просто не выживет, если не обретет способность казаться веселой и беззаботной, когда в душе все горит огнем.

С отцом они разговаривали нечасто, он завалил себя ра-

ботой, приходя домой поздно и всегда очень усталым, и Надя, будучи девочкой смышленной, понимала – работа для него единственное лекарство от того, чтобы не думать о своей трагедии. И хотя он старался не показывать дочке своей печали, она не могла ее не заметить. А ей отчаянно хотелось, чтобы он был счастлив, она даже была не против, если бы он женился на одной из маминых подруг, тете Вере, например, которая всегда была к Наде очень добра. Но отец даже смотреть ни на кого не хотел.

– Есть моменты в жизни, когда действия ни к чему, – поделился он как-то с дочкой. – Иногда нужно просто затаиться и ждать. Это как бороться со штормом в открытом море, находясь там в маленькой шлюпке. Разве ты способен победить эту стихию? Все, что ты можешь сделать ради своего спасения – это сильнее держаться за своё прибежище и сохранять спокойствие настолько, насколько это возможно. И крепиться. И молить Бога, смиренно взывая к его милости. Чем дольше продержишься, тем больше шансов остаться живым. Потому что любой шторм не навсегда. Однажды он обязательно закончится. Нужно только перетерпеть и не упасть духом. А это самое трудное. Помни: все снова будет как прежде, только ты станешь ещё сильнее.

Однажды отец пришел с работы и увидел, как Надя плачет. Он усадил девочку к себе на колени и спросил:

– Что случилось, доченька?

– Со мной никто не хочет дружить. Ребята говорят, что я

странная, – всхлипнув, ответила Надя.

– Пожалуйста, никогда не бойся быть странной, прослыв не от мира сего, – ответил ей отец. – Таких если любят, то на разрыв сердца такие же ненормальные бродяги романтики. Не скрывай своих эмоций из страха показаться неправильной. Кто вообще установил эти дурацкие правила? Пой, танцуй, веселись, если радостно, и плачь, когда грустно. А если услышишь от кого-то, что с тобой сложно, отходи в сторону. Зачем тебе рядом мученики, пытающиеся запихнуть тебя в свои узкие рамки? Если чувствуешь себя в душе пираткой, не держи своё сердце на берегу, выходи в открытое море и смейся попутному ветру в лицо. А ещё верь в то, что такой же сумасшедший точно существует на этой земле и уже ждался тебя. Обязательно верь.

С годами она научилась защищать своё нежное нутро от грубого вторжения мира. Сначала она тренировалась маскировать боль за улыбкой, а внутренний пожар за внешним спокойствием. А потом и вовсе спрятала сердце. Ее броня не давала ни одной напрасной надежде проникнуть ей в душу. Никаких надежд, никаких напрасных ожиданий. Она была доброжелательной к людям, но никому не открывалась до конца. Нет, она не могла совсем подавить свои чувства, но игра в их усмирение так увлекла её, что они больше не владели ею. Она была ничья, а потому свободна, ведь никто не мог больше превратить ее сердце в кровавое месиво.

Стала ли она счастливее? Как знать. Но сильнее – однозначно

У нее просто не было другого выхода.

Когда она училась в пятом классе, прямо с урока ее вызвал к себе директор школы и сказал, что ее отца забрали в больницу с сердечным приступом. А на утро следующего дня Надя узнала, что ее папа скончался, не приходя в сознание.

Дальше все происходило, словно в кошмарном сне. Ее забрала к себе тетя Света, папина сестра. Пришлось покинуть Москву, а также свою школу и переехать в Подмоскovie, где жила со своей семьей тетя. И, хотя она всегда хорошо относилась к Наде, ее мужу, дяде Сергею, перспектива кормить племянницу жены совсем не нравилась.

– Будет тебе, Сереж, – говорила тетя мужу, думая, что девочка ее не слышит. – Не в детский дом же ее отсылать, родная кровиночка, все-таки. Девчушка она хорошая, серьезная, с нашими мелкими поможет, да и мне в хозяйстве, а то я совсем умаялась.

– Ну, будь по-твоему, – согласился дядя Сергей.

У них росли погодки Ванюшка с Настей, трех и четырех лет от роду, с которыми и предстояло теперь возиться Наде. Но выбора у нее не было.

Родня Надю не обижала, но особо и не жалела, нагрузив девочку, словно Золушку, разной работой по дому и навя-

зав ей двоюродных братика с сестричкой. Надя не жаловалась, она любила Ваню с Настей всем сердцем, хотя нередко приходилось ей отдуваться за их проделки. Работу исполняла исправно – придя со школы, прежде чем сесть за уроки, принималась хозяйничать: варила обед, убиралась в комнатах, мыла, стирала, пылесосила. На прогулку не хватало ни сил, ни времени. Но она не жаловалась, потому что знала, пожалуйся она хоть раз, ей немедленно порекомендовали бы детский дом. А туда Наде совсем не хотелось.

В новой школе Надю не приняли. Столичная замкнутая и серьезная девочка не понравилась местным ребяташкам. За неразговорчивость они дали ей кличку Рыба, и так ее и звали вплоть до девятого класса. Все изменилось, когда в их класс перевели еще одного новенького из Москвы – Марка Орлова. Этот красавчик спортсмен сразу выбрал вечно пустующее место рядом с Надей и никому больше не позволил называть ее обидной кличкой. Теперь ее звали только Надей, а тот, кто случайно по привычке обращался к ней Рыба, немедленно получал от Марка или в лицо, если это был мальчик, или строгое и внушительное взыскание, если девочка. Мальчишки Марка боялись и уважали. Девчонки сходили по нему с ума. Этот темноволосый парень с зелеными глазами и голливудской улыбкой сразу же вскружил голову всей девичьей половине школы. И никто не понимал, что он нашел в невзрачной сироте Наде. Одетая не модно, бедно,

не накрашена, глаза грустные, волосы вечно собраны в хвост. Скучная молчунья. Родители Марка были очень обеспечены, отец занимал высокий пост, мать разъезжала на дорогой машине и поговаривали, что ни дня в своей жизни не работала. Однако парень отличался добрым нравом и скромностью, чем еще больше привлекал к себе внимание. Его боялись и боготворили. Но другом он выбрал себе именно Надю, которую теперь открыто никто старался не задевать, а некоторые девчонки даже стали искать с ней дружбы, лишь бы приблизиться к предмету их девичьих грез – Марку.

Но Надя не стремилась ни с кем, сблизиться, кроме Марка. В него ее так рано осиротелая душа вцепилась мертвой хваткой. К концу десятого класса Надя с ужасом обнаружила, что испытывает к Марку нечто больше дружеских чувств. У нее не было подруг, чтобы порассуждать на эту тему, и так как, кроме самого Марка рассказать о том, что на душе, было некому, однажды она не вынесла и призналась ему в переполняющих ее сердце чувствах.

Была весна и они только вышли из кинозала, где Марк то ли по-дружески, то ли еще почему, но как-то особенно тепло и нежно сжимал Надину ладонь. Ребята зашли в кафе и Надя, чувствуя, что ее сердце сейчас выпрыгнет из груди от волнения, выпалила, глядя Марку в его зеленые глаза:

– Марк, я люблю тебя...

Парень посмотрел на нее без тени усмешки, но ничего не ответил.

– Ты можешь об этом забыть, – Девушка резко поднялась и хотела уже выскочить из кафе, но Марк очень крепко ухватил ее за руку.

– Надя, сядь.

Ей пришлось сесть на место, хотя это было для нее теперь настоящей пыткой – сидеть с ним рядом.

– Я давно тебя люблю, – сказал он так тихо, что если бы она не прочла по его губам, вряд ли бы расслышала фразу, заглушаемую гулом кафешки.

– Я уже давно влюблен в тебя, – продолжал он уже громче и увереннее. – Да что там! Я полюбил тебя сразу, с самого первого взгляда. Как вошел в класс, так только тебя там и увидел. Ты была такой красивой и такой одинокой.

Марк взял Надину ладонь и приблизил к своим губам.

– Ты говоришь правду? – Наде было очень страшно. Она понимала, что ее сердце просто не выдержит еще одного удара.

– Конечно, правду, глупая моя.

– Прошу тебя, не играй со мной в любовь. На этом свете так много разных игр, но в эту играть самое последнее дело. Любовь – это дар Божий, а сердце не игрушка, оно живое. Сломать так легко, потом не соберёшь, даже если захочешь. Любовь не для игры, она для жизни, для счастья, радости. Вечности! Любить нельзя понарошку, как будто, поверхностно, легко. Любить нужно сильно, так, чтобы на небе засияло новое Солнце и родилась ещё одна Вселенная. По-

настоящему.

– Вот именно так я и собираюсь тебя любить.

Надя ожидала подвоха, страшась, что он сейчас засмеется и скажет, что просто пошутил. Но Марк продолжал держать ее маленькую ладонь в своей и целовать ее пальчики.

В тот майский вечер они впервые поцеловались и дали клятву любить друг друга вечно. Но что такое «вечно», когда тебе всего семнадцать?

После окончания школы перед Надей встал вопрос: куда поступить? Она давно уже решила стать врачом, но, хотя училась она хорошо, прекрасно понимала, насколько малы ее шансы. У Марка с этим никаких проблем не было. Его родители давно уже подготовили ему место в Питерском Университете.

– Едем со мной! – уговаривал ее Марк. – Ты такая умненькая, подашь документы в медицинский, и мы будем учиться в одном городе.

И Надя поехала. Марк поступил, а она не прошла, не хватило баллов.

– Не переживай так, Надюша, в армию тебе не идти, будешь меня дома с учебы ждать, снимем квартиру, ты там хозяйничать будешь.

Но перспектива остаться без профессии и сидеть на шее своего парня Надю не радовала. Его мать и так не одобряла выбор сына, ей категорически не нравилась эта «голодранка из семьи маргиналов», так еще не хватало ей обви-

нений в том, что Надя живет с ее сыном за счет его родителей. В Москве у нее была родительская квартира, да и работу можно было найти, а вечером спокойно готовиться к поступлению в московский мед через год. И хотя расставаться с Марком было больно, но прожив с ним две недели в Питере, она приняла единственно правильное, с ее точки зрения, решение.

– Я поеду в Москву, Марк. Ты учись, а я пока поработаю и подготовлюсь, как следует.

– Зачем тебе вообще эта медицина? – недоумевал парень. – Учиться лет десять-двенадцать, чтобы потом получать мизерную зарплату?

Наде было очень обидно такое слышать от любимого человека. Врачом она хотела быть с самого детства. Ей очень хотелось спасать маленьких детей, чтобы они не умирали, а их мамы не выбрасывались потом из окон, оставляя с разбитым сердцем осиротевших других своих детей. А еще ей хотелось лечить сердца мужчин, которые разрывались у них в груди от невозможной боли. Для нее это было более чем важно. Как он мог этого не понимать, если она делилась с ним своими детскими переживаниями? Ведь он же всегда так внимательно слушал и никогда ее не перебивал, правда, сразу же после лез целоваться.

Но она не стала высказывать это ему, а, проглотив обиду, спокойно сказала:

– Я поеду в Москву и сделаю, как решила. Будем встре-

чатся на каникулах. Вот увидишь, мы выдержим.

Она хотела его поцеловать, но он отстранился. Сердце ее ухнуло вниз, а потом очень больно сжалось в маленький жгучий комочек. Предательские слезы брызнули из глаз, но он даже не сделал попытки ее утешить. Просто уткнулся в телефон и стал увлеченно с кем-то переписываться. Такого Марка Надя еще не знала.

Сидя в поезде, куда ее молча посадил Марк, вручив ей рюкзак, она думала о том, что все образуется. Марк обязательно перестанет на нее дуться, они будут переписываться и общаться по скайпу, а после окончания вузов найдут способ быть вместе. Правда, учиться Наде предстояло немного дольше, чем Марку, но это ничего.

В Москве Надя быстро и без труда устроилась на работу – санитаркой в больницу, взялась за учебу и ремонт квартиры. Ей было больно смотреть на обои из детства, каждый узор которых напоминал о прежней жизни с мамой и папой. Она не хотела застревать в своей детской трагедии, а потому сама поклеила новые обои и приобрела на первую свою зарплату новые занавески. Работа, учеба и ремонт занимали все ее дневное время. А по ночам она очень скучала по Марку, который даже не ответил на ее сообщение: « Я доехала». Не ответил и на второе, и третье, а потому Надя писать перестала. Но ждала, вздрагивая от каждого входящего, потому что в душе надеялась – он напишет, позвонит, приедет, и все будет по-прежнему. Но проходил день, за ним другой, а Марк

молчал. В душе Надя понимала, что виновата перед ним, что своим отъездом ранила его, но иначе она бы поступить все равно не смогла.

По вечерам, валясь в постель от усталости, девушка вела со своим любимым диалоги прямо у себя в голове. Часто он ей снился, и она просыпалась в слезах в своей одинокой и холодной постели.

Ей очень хотелось, чтобы он ее просто любил. Любил, как прежде, не говоря об этом, но позволяя своей заботой чувствовать эту любовь на своей коже и в своём сердце. Без него она словно потеряла свой рай, своё пристанище. Теперь даже самое важное не имело смысла. Но даже без смысла она старалась выжить, цепляясь за совсем мизерные остатки своей надежды. Надежды на то, что однажды все будет хорошо...

Ей сложно было сознаться самой себе в том, что он от нее просто отказался.

Глава 2

Марк

«Как часто мы расстаёмся с людьми по глупости, интерпретируя их поступки по-своему, придавая им совсем не то значение, какое они имеют на самом деле. Как часто переворачиваем слова человека, и они звучат у нас внутри совсем не с тем смыслом, каким наполнены. Духовное упрямство, и как следствие – полное отсутствие понимания, абсолютный диссонанс с действительностью из-за глухоты сердца. Как итог, разрушенные отношения, расколотые надежды, разбитая вдребезги любовь.

Если подумать, с людьми мы расстаёмся по-разному. С кем-то разбегаемся легко в разные стороны так, словно никогда и не были знакомы. Кто-то уходит от нас, от кого-то уходим мы, пусть с трудом, но раз и навсегда отрезав ту часть сердца, в которой жил когда-то особенный для нас человек. Кому-то мы не даём сказать и слова в своё оправдание, а для кого-то у нас припасены тысячи шансов все исправить, которые он однако благополучно упускает. И какими бы сильными ни были чувства и связи, но однажды что-то внутри у каждого из нас ломается с неслышным хрустом, словно мостик, ведущий от сердца к сердцу. И в душе хочется все за-

быть и вернуть, но это невозможно, потому что она сама закрывается и всё. Я не знаю, как устроена человеческая душа, но иногда даже самые близкие становятся настолько чужими, что мороз бежит по коже...»

Марк точно не знал, зачем, он ведет эти записи, он просто привык отдавать все свои чувства бездушной машине – компьютеру. Ему не хотелось оценивать чьи-либо действия, ни, тем более, анализировать его собственные. Закрыв ноутбук, он встал и пошел в душ.

Сердце саднило, и потому он старался как следует намылить тело, словно хотел тем самым стереть все воспоминания. Обернувшись в белоснежное полотенце, он посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него смотрел тридцатитрехлетний красивый мужчина со спортивной фигурой. Он подмигнул своему отражению и направился в спальню выбирать костюм для сегодняшней деловой встречи. Он давно переехал в Москву и чувствовал себя в столице как рыба в воде. За плечами неудачный брак и развод, карьерный рост. Он больше не ждал от жизни никаких чудес, разочаровавшись в любви еще в юные годы. Девушка, которую он очень сильно, по-настоящему любил, его первая школьная любовь, неожиданно бросила его, уехав учиться в Москву. Марк тогда не ожидал, что она так поступит, что сможет вычеркнуть его из жизни, словно вырвет испорченный лист из тетради.

Надя, Наденька, Надюша. Милая красивая девочка с боль-

шими печальными глазами. Он влюбился в эти глаза цвета синего летнего неба, как только увидел ее. В классе девичку почему-то не любили, и она напоминала ему дикого забитого зверька. Ему удалось отогреть ее сердце, постепенно она раскрылась и расцвела, да так, что из гонимого подростка аутсайдера превратилась в предмет восхищения и даже вожделения многих. Она любила все хрупкое и неуловимое, как бабочка. Она сама ему напоминала красивого мотылька, дерзко летящего на свет. Никто не знал, как завладеть ее сердцем. Одни давили на неё и ломали крылья, другие так громко кричали о своей любви, что она пугалась и старалась как можно скорее улететь от них. А он просто давал ей то, что она больше всего любит, ничего не обещая и не пытаясь ее поймать. Рядом с ним она чувствовала себя бабочкой, уютно устроившейся на апельсиновой дольке и попивающей в безопасности сладкий нектар, оставшийся ровно в таком количестве, чтобы полностью насытить её. Она понимала любовь как свободу. Свободу иметь возможность улететь в любой момент, но с радостью выбрать – остаться...

И тем сильнее был для него удар, когда она неожиданно покинула его. От кого угодно мог Марк ожидать предательства, но только не от нее, не от Нади.

Он ни разу ей не ответил, хотя она писала ему. Сначала просто короткие сообщения, а после целые послания. Он читал их все с режима невидимки, ему не хотелось, чтобы она об этом знала. А потом письма прекратились.

Одевшись и наскоро выпив кофе, Марк поспешил к своему авто. Черный BMW ожидал его на подземной стоянке элитного дома. В этот день его тянуло на классику, и он решил, что его любимый спортивный красный «Ягуар» подойдет. Марк неплохо зарабатывал и так же неплохо тратил на себя деньги. Ему не хотелось их откладывать, во-первых, потому, что было не для кого, а во-вторых потому, что в завтрашний день он не любил заглядывать. Кто знает, как завтра сложится жизнь? Так к чему лишать себя сегодняшних удовольствий?

Марк жил страстно. Он считал очень важным в жизни найти свою настоящую страсть. «Жизнь без страсти похожа на пресный бульон, – рассуждал он – пить можно, но невкусно. Найти дело, от которого внутри разгорается настоящий огонь, встретить человека, от которого сердце плавится – это настоящее счастье».

Дело по душе Марк нашел, его собственная юридическая фирма была его любимым детищем, да к тому же приносила немалый доход. А вот с человеком все обстояло гораздо труднее.

Женился Марк рано, еще в студенческие годы, на своей однокурснице Кристине, девочке из богемной питерской семьи. Отец Кристины – известный художник Самохвалов подарил молодым собственный дом на берегу Финского залива. Кристина была образованной, утонченной и красивой пи-

терской девицей – не невеста, а мечта. Кроме того, она влюбилась в Марка по уши и буквально пылинки с него сдувала. А Марку очень хотелось поскорее закрыть свою сердечную рану, которая образовалась с отъездом Нади.

«Надежда покинула меня» – так, полушутя, любил отвечать Марк, когда кто-нибудь, заглянув в его глаза, замечал в них какую-то дикую, вселенскую тоску.

О Наде мало кто знал и мало кто помнил. Да и самому Марку хотелось поскорее ее забыть. И он, не долго думая, предложил Кристине свою руку. Вот только сердце не предложил, его у него не было.

Свадьбу сыграли пышную. Все вокруг, а особенно родители Марка и Кристины не могли нарадоваться на молодых – оба красивые, словно с картинки. И никто не догадывался о том, что красота эта только на картинке и была.

Как ни старался Марк, но полюбить свою юную нежную жену ему не удавалось. Она стала раздражать его все больше и больше с каждым днем, хотя изо всех сил своих пыталась угодить.

Марк не спешил домой, он пропадал с друзьями в барах и ночных клубах, пытаясь там уйти от своей боли и проклятой тоски, въевшейся в его кости и клетки. Он стал изменять Кристине, у него было так много связей с разными девушками, что он путался в их именах, и все они сливались для него в единое целое, а он цинично называл все это лекарством.

Но чем больше он хотел забыть Надю, тем сильнее о ней

помнил. Он ненавидел ее так сильно, как никого на свете. И точно так же сильно любил.

Кристина сначала плакала и закатывала ему истерики, а после решила показать смирение и забеременела. Девушка искренне надеялась, что ребенок сможет спасти их молодую семью от крушения.

Но Марку этого ребенка не хотелось. Он вспоминал, как они с Надей придумывали имена их будущим детям, как спорили из-за этого, ссорились, а потом смеялись. Он вспоминал Надю, ее небесные глаза в обрамлении длинных ресниц, брови вразлет, зазорный носик, ямочки на щеках, которые появлялись всякий раз, когда он ее смешил. И ему хотелось ребенка от нее, чтобы малыш имел такие же синие глаза и светлые волосы. Он совсем не хотел, чтобы Кристина продолжала его род.

Уговорить ее сделать аборт, он не смог. А потому просто перестал появляться дома. Оставив свою беременную жену в доме на Финском заливе, он переехал в съемную квартиру, объясняя это тем, что так ближе добираться до университета. Ему оставалось учиться год, он уже подрабатывал в юридической конторе и мог себе позволить съемное жилье.

Кристина поплакала, но снова смирилась. И Марк еще больше от нее отдалился, потому что смирение в женщине ему никогда не нравилось.

Жизнь удивительно мстительная сука. Рано или поздно каждому придётся оказаться на месте того человека, кото-

рого заставил плакать. И каждая его слеза отольется тебе вдвойне. Называй это бумерангом или возмездием, но любую боль, причинённую кому-то, однажды придётся испытать. Если не в этой жизни, то в следующей, точно.

Марк это понимал, но ни одна слеза Кристины его не трогала. С уходом Нади из его жизни исчезло сочувствие и понимание. Его сердце очерствело, и это было его спасением, ведь иначе оно разорвалось бы прямо у него в груди.

Но даже черствому сердцу было все равно больно, когда воспоминания о его первой и единственной любви врывались неожиданно и переворачивали в душе все вверх дном.

Марку не хотелось видеть Кристину вообще. Ее деформированное нежеланной для него беременностью тело вызывало в нем тошноту. Он стал ссылаться на то, что в вузе слишком много учебы, а по вечерам работы, которая ему очень нужна, чтобы прокормить их маленькую семью, а потому времени на свидания у него, якобы, совсем нет. И Кристина верила, или мастерски делала вид, что верит. Мысль о том, что рождение малыша смягчит Марка, помогала ей держаться. Она была еще слишком юна, чтобы понимать простую истину – если мужчина тебя не любит, ты не привяжешь его возле себя ничем. Однако даже это не суждено ей было проверить.

Однажды в ее доме зазвонил телефон. Она оставила мобильный внизу, и он трезвонил так, словно это Марк хочет с ней поговорить. Она почему-то подумала, что звонит имен-

но Марк, хотя в последнее время звонила всегда ему она, чтобы рассказать, как прошел день и спросить своего мужа, как прошел его. Но в этот раз она была уверена – звонок от него, ее любимого.

А потому она очень боялась, что не успеет, что он не станет ждать, пока она, словно жирная, неуклюжая утка, медленно спустится по крутой лестнице на первый этаж. Кристина очень торопилась, ведь он мог передумать сказать нечто очень важное и нежное для нее, например, что ужасно соскучился и желает приехать. Она знала, что, спускаясь по этой лестнице, необходимо соблюдать осторожность. Знала, но все равно ринулась вниз. На второй или третьей ступеньке ее сандалик зацепился за небольшой выступ, и девушка полетела вниз.

Она почти не почувствовала боли. Она ощутила лишь, как что-то очень горячее вытекало из нее. А потом она потеряла сознание.

Вечером Марку позвонил тесть из больницы и сказал, что Кристина потеряли ребенка. Он добавил, что это была девочка, и что ему очень жаль.

Марк со стыдом поймал себя на том, что испытал огромное облегчение. А когда Кристина вышла из больницы, он подал на развод. Аргументом было то, что она убила их дитя, а он не хочет продолжать жизнь с женщиной столь безответственной.

Он понимал, насколько это жестоко, но он понимал также,

что продолжать жить во лжи и обмане, отнимая у Кристины ее молодость, красоту и здоровье, было бы еще более жестоким. Он видел ее глаза в больнице, видел, что сотворил с ней своей нелюбовью. Как только он вошел в палату, она спросила:

– Это ведь ты мне звонил?

– Нет.

Она зарыдала так громко, что прибежала медсестра и попросила его уйти.

– У нее состояние шока. Вы можете прийти завтра.

Но он не пришел.

Дальше жизнь Марка больше не сходила с намеченного пути. Окончив вуз, он с головой ушел в карьеру. В Питере он не хотел оставаться. Этот промозглый, дождливый город наводил на него еще большую тоску. Перебравшись в Москву, он открыл свою фирму, сколотил хорошую команду из бывших однокурсников, которым тоже не хотелось зависать в Северной столице, да и возможностей в Москве было больше.

В свои тридцать три он был богат, головокружительно красив и свободен. К этому списку можно было бы добавить: счастлив, но, увы, это было не совсем так. Боль в сердце, тянущая по ночам и иногда резкая днем, мешала ему наслаждаться жизнью на всю катушку. Он ходил по врачам, но все, как один, утверждали, что он полностью здоров.

Марк повернул ключ зажигания в своем красавце «нем-

це». В голове крутились планы: заехать в офис, дать всем распоряжения, проверить рабочий компьютер и, захватив бумаги, отправиться на очень важную встречу на Кузнецком Мосту. Он был в хорошем, боевом настроении, предвкушая тот миг, когда его партнеры по бизнесу подпишут все бумаги. А вечером он расслабится по полной программе. Позвонит одной из своих девочек модельной внешности, какой, он решит по ходу. Они все свободны, и каждая будет счастлива провести вечер и ночь в его компании. Он знал, как крут в постели, а также то, что все его девчонки спят и видят себя в роли его жены. Ломать этим дурочкам розовые мечты он ни за что не станет, а потому пусть себе щебечут, представляя их шикарную свадьбу, которой никогда не будет.

Марк нажал педаль газа и вдруг почувствовал такую резкую боль в груди слева, что у него перехватило дыхание. С минуты две он пытался прийти в себя. А потом позвонил своей секретарше Анечке:

– Аня, срочно мне найди хорошего кардиолога. Прямо сейчас начинай искать. Я буду в офисе минут через двадцать, там и поговорим.

Придя немного в себя, Марк осторожно вырулил со стоянки.

«Старею, – подумал он. – Девочек на сегодня нужно вычеркивать».

Теперь в его планы на вечер входило посещение хорошей частной клиники.

По дороге ему вдруг вспомнились слова деда, которые он произнес как-то, рассказывая о бабушке, с которой прожил в любви, пока проклятый рак не отнял ее у него:

«Сердце всё помнит. Можно забыть и вытеснить из памяти все самое значимое, приятное и неприятное. Самые важные события и нужные, с точки зрения жизни, люди стираются временем, словно мел с доски. Но сердце всегда будет помнить любимое лицо. Ты прикрываешь веки и видишь милые черты, свет этой улыбки и ничего не можешь с собой поделать. Мы всегда с теми, кого по-настоящему любим, а они всегда в нас, даже если и давно не с нами. Стоит только закрыть глаза. Попробуй, сам увидишь...»

Теперь Марк понимал, о чем он говорил. Перед его глазами было лицо Нади. Юное и нежное, с самой прекрасной улыбкой на свете.

– Только не это, – сам себе сказал Марк. Он давно отрезал тот кусок сердца, в котором хранились воспоминания о ней. Он не хотел страдать, он хотел жить – просто и легко. И до сих пор у него это неплохо получалось.

– Вот, Марк Анатольевич, нашла клинику.

Секретарша Анечка, хорошенькая блондинка двадцати пяти лет от роду, протянула ему распечатку, как только Марк зашел в свой офис.

– Но она загородом, – попробовал возразить Марк.

– Это очень хорошая клиника с квалифицированными

врачами, – отрезала Аня. – Я читала отзывы. Поверьте, она самая лучшая.

Глава 3

САМАЯ ЛУЧШАЯ

«Иногда человек думает, что у него все отлично. Забыв о своём праве на мечту и любовь, он решает быть счастливым от того, что имеет. Каждый день его похож на предыдущий – чашка кофе с утра, пробежка, завтрак, работа с достойной зарплатой, качественный секс с постоянным партнёром. «В самом деле, что ещё нужно для счастья, когда у меня все есть, а то, чего нет, и не нужно, значит?» – думает он. Дни его летят один за другим – лето сменяет осень, весна зиму. Человек делает много фото и выкладывает картинки своей счастливой жизни в Инстаграм, словно хочет закрепить уверенность в этом счастье. «Смотрите, у меня все есть, я счастлив!» – говорит он всем и все соглашаются, потому что он выглядит очень довольным своей жизнью. Но вот однажды у человека вдруг начинает болеть слева в груди, там, где находится сердце. В панике он бежит к врачу, и тот, не обнаружив у него ничего серьёзного, на всякий случай прописывает покой с лекарствами. Человек принимается выполнять все предписания, но боль не уходит. Он обескуражен: «Как так? Я ведь веду правильный образ жизни, забочусь о своём теле, каждый день работаю над сознанием, не допуская в себя

ни одной негативной мысли! Я счастлив, я чертовски счастлив и доволен собой. Почему же моему сердцу так больно?». И ни один кардиолог в мире, ни один умный философ-практик по работе над мыслями не скажет ему, что сердце у него болит от того, что столько времени он заставляет его молчать. Что забытые мечты и нерастроченная нежность к кому-то заставляют разрываться его душу на части...

Потому что человек – это не только мозг, это душа, и если ее не слушать, она страдает и болит, болит...»

«Однажды все заканчивается. И даже самая сильная любовь перестаёт. Это надо просто принять: любой человек, может тебя покинуть. Даже тот, кто клянётся, что заберёт тебя в Вечность. Он уйдёт первым. Здесь нет никого, кто с тобой навсегда. С тобой все только на время».

Надежда поставила точку. Она любила делать такие записи. Ее это отвлекало от слишком напряженной работы кардиолога.

Ее муж никогда не понимал странного увлечения жены. Он вообще не стремился ее понять, а просто делал свои выводы относительно нее. А она и не стремилась к пониманию. Ей вполне достаточно было простых, ровных и надежных отношений, которые не мешали бы главному в ее жизни – работе. Чинить человеческие сердца она любила больше всего

на свете. Это помогало ей забыть о том, что ее собственное сердце давно разбито. Ее муж, будучи высококлассным кардиохирургом, даже не догадывался о том, что сердце его супруги никуда не годится. Ему было абсолютно невдомек, что главный враг сердца вовсе не курение, не алкоголь и другие вредные привычки. Главный и злейший его враг – одиночество. Ведь одиночество разъедает сердце. Оно подобно рже, поселившейся на гладкой и ровной когда-то поверхности металла, уродует его и делает грубее. Не сразу, а постепенно, отболев своё, сердце перестаёт чувствовать и ничего больше не хочет, кроме одного: перестать биться... Он даже не догадывался, насколько одинокой чувствовала себя его красавица и умница жена в этом мире.

«Ты словно прошёлся мне ржавым ножом с зазубринами прямо по сердцу. И даже не понял, что есть такие раны, которые после зализать невозможно, как ни старайся. К ним просто лучше не прикасаться. Они никогда не заживут...»

Эти строки прочел Игорь однажды в Надином открытом ноутбуке.

– Это что такое, Надюша? – спросил он.

– Так, ерунда, – ответила жена и быстро закрыла компьютер.

– Так и не занимайся всякой ерундой! Посмотри лучше, что наши ребята прислали с конференции в Страсбурге.

Работа, работа и снова работа. Они говорили только о ней, больше точек соприкосновения у них не было.

Надя вышла замуж сразу после окончания ординатуры. Не то чтобы она очень хотела, Игорь уговорил. Ее влекло к этому человеку. Красавец хирург, старше ее на восемнадцать лет, он чем-то напоминал ей отца, которого Наде не хватало больше всего. Он опекал, заботился, учил, направлял. Она смотрела на него, слушала, вникала. Любви она не испытывала, зато безмерное уважение и благодарность переполняли ее душу. Поначалу Надю немного смущало, что ее муж не говорит о детях. У него был сын от предыдущего брака, и он старался уделить ему время, которого, по правде сказать, не очень-то хватало в их с Надей маленькой семье, а с годами его вообще почти не стало. А потом она привыкла и о ребенке думать перестала.

Поступив на работу в частную загородную клинику, Надя переехала жить в просторный дом, который находился как раз неподалеку. Игорь же мотаться каждый день в свою больницу в Москве оттуда не мог, да и не хотел, а потому остался в их шикарной квартире в центре города.

Они договорились видеться по выходным. Но какие выходные могут быть у хирурга? В любой момент мог зазвонить телефон или прийти сообщение, и ее муж срывался с места, чтобы уехать в больницу.

Но Надя и не думала жаловаться. Она умела довольствоваться малым, будь то чашечка ароматного кофе или причудливые облака, проплывающие над её головой. Собой Надеж-

да была вполне довольна. Она знала, что красива, но совершенно не концентрировалась на этом. Compliments, скорее, выводили ее из равновесия, раздражали. Будучи далеко неглупой, она понимала, каждый комплимент – это лассо, которым мужчина хочет привлечь её внимание в своих корыстных целях. И неважно даже, насколько они благородны, она ни за что на свете не хотела отдавать своё сердце. Отдашь, и прощай свобода. А свободу она ценила сильнее разбитого сердца. А потому она его полностью закрыла – главное никого не любить, ведь тот, кого любишь, делает большее всего, уж ей ли этого не знать. Но разве любовь спрашивает разрешения на вход?

В тот день Надя задержалась на работе. Пациентов к ней выстроилась целая очередь, у всех как-то разом прихватило сердце. Весна. За окном стоял чудесный майский вечер. Солнце уже начало садиться, из окна был виден потрясающий закат, а в воздухе так терпко пахло сиренью.

У Нади оставалось два приема. Мужчина и женщина. Она нажала кнопку «войдите», ей хотелось поскорее домой, чтобы насладиться пением соловьев, сидя с чашкой чая у себя на веранде.

Пациент вошел, и Надя мельком бросила на него взгляд, почти не отрываясь от компьютера.

– Присаживайтесь, пожалуйста...

Ее глаза сначала ухватили имя, пробежавшее черной

строкой в ее компьютере: Орлов Марк Анатольевич. А потом они поднялись на него.

Марк продолжал стоять перед ней, не понимая происходящего. Он ведь внимательно прочел имя, отчество и фамилию врача на вывеске, красующейся перед кабинетом – Антонова Надежда Сергеевна. Он и подумать не мог, что это именно та Надежда Сергеевна, которая разбила ему очень давно сердце.

С минуту они молча смотрели друг на друга, словно сверяли портрет человека, которого они помнили, с тем, кем этот человек стал.

Марк отметил про себя, что Надя стала еще красивее. Годы добавили ей элегантности и лоска. А она не могла не признать, что Марк из красивого парня превратился в сногшибательного мужчину.

Потом они улыбнулись, одновременно, не сговариваясь. Они раньше так часто делали – договаривали друг за другом фразы, понимали все без слов или начинали вдруг оба смеяться ни с того, ни с сего. Они были словно одно целое, дополнением одного к другому. Но это было в далекой прошлой жизни.

– Ну, здравствуй, Наденька, – произнес, наконец, Марк и присел на стул напротив той, кого когда-то видел в своих мечтах матерью своих детей.

– Здравствуй, Марк, – Надя протянула ему руку, а он ее поцеловал. – Ты как меня нашел?

– Не поверишь, но я не искал. Что-то сердце прихватило, попросил секретаршу найти хорошую клинику. И вот я здесь.

Он широко улыбнулся, а у Нади все внутри упало. Не искал, значит...

– Вижу, ты добилась своей мечты, – Марк обвел взглядом светлый, просторный кабинет Нади. – Ведь ради этого всего ты когда-то меня бросила.

– Это неправда. Я не бросала тебя. Я просто уехала поступать в Москву. А вот ты от меня отказался. Я ведь писала, так много тебе поначалу писала, а ты не ответил ни на одно мое сообщение. А потом я узнала, что ты женился. Увидела фото твоей жены, очень красивая, кстати, и писать перестала. Ты просто вычеркнул меня из своей жизни.

– Вычеркнул. Но не просто. А ты, я вижу, тоже замужем, – Марк не мог оторвать взгляда от обручального кольца Нади. – И фамилию мужа взяла.

– Послушай, я действительно очень рада тебя видеть. Не знаю, как ты, но я рада.

Надя улыбнулась так очаровательно, что Марк понял, как он на самом деле скучал по этой улыбке.

– Но дело в том, – продолжила она, все также широко улыбаясь, – Дело в том, что у меня еще один пациент после тебя.

– Я понимаю.

– Марк Анатольевич, давайте я Вас послушаю, а Вы мне потом расскажете свои жалобы.

– Вот, как, Марк Анатольевич? Звучит, как Марк Антоний, школьная кличка, – Марк улыбался, демонстрируя Наде свою голливудскую улыбку.

– Ну, это не кличка, это они тебя так, скорее, из уважения звали. Вот у меня было настоящее «погоняло» – Рыба, – смеясь, ответила Надя.

Марк пристально смотрел на свою бывшую подружку. Она сияла, словно звезда. Воспроизводя ее в своей памяти, он никогда не делал ее настолько красивой. На долгое время она оставалась для него милой, скромной девушкой. Теперь же перед ним сидела очень красивая, утонченная, элегантная леди.

– Снимайте рубашку, – приказала Надежда.

Марк послушно стал расстегивать рубашку. Когда он небрежным движением скинул ее с себя и отбросил на кушетку, Надя с трудом подавила в себе восторженный возглас, потому что ей пришлось лицезреть совершенный торс человека, которого когда-то она всем сердцем любила.

Надежда приставила холодный фонендоскоп к его груди.

Его сердце билось прямо перед ней, но она ни на секунду не продемонстрировала смятение.

– Шумов нет, – констатировала она. – И кардиограмма очень хорошая.

– Но почему мне так больно? – спросил Марк, глядя ей прямо в глаза.

– Не знаю точно, возможно это совесть, но скорее всего,

просто вегетососудистая дистония.

– Это что еще такое? – спросил Марк.

– Это просто возмездие – не нужно было разбивать когда-то чужое сердце.

– Я серьезно, что это значит?

– А ничего такого и не значит, – ответила Надя, уткнувшись в компьютер.

Ей вдруг очень захотелось хоть чуть-чуть помучить человека, который имел наглость бросить ее с разбитым сердцем, а потом явиться через много лет и, как ни в чем ни бывало, потребовать проверить свое. По идее, Наде должно было бы на него плевать. Кто он? Всего лишь пациент, до смерти опасющийся инфаркта. Чужой человек, которого она вычеркнула из своей души давным-давно. По крайней мере, ей так казалось.

– Но все же? – настаивал Марк.

«Зацеловать каждый шрамик на твоём мятежном сердце. Успокоить твою мятущуюся душу. Когда все отвернулись, молча встать рядом и взять за руку. Заглянуть в глаза, найти самый острый осколок, причиняющий боль и мешающий любить, вынуть его и беспощадно раздавить каблуком. Быть с тобой и в горе, и в радости, и даже тогда, когда смерть, по идее, должна разлучить, не разлучаться. Назло ей, провозгласив торжество жизни в любви, которая не перестаёт».

Именно этого ей хотелось больше всего на свете.

Надины пальцы бегали по клавиатуре компьютера. Смя-

тение охватило ее, она вся дрожала. Это было выше ее, сильнее и она не могла с собой справиться. Сердце ее колотилось с такой силой, что ей казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Марк внимательно и встревоженно следил за ней, отмечая каждый ее жест, каждую мимику.

– Надя, скажи мне правду, я так серьезно болен?

Она, наконец, оторвала взгляд от компьютера. Марк как замороженный смотрел в ее огромные синие глаза. Он вдруг понял одну беспощадную для себя вещь: отпустить так легко эту женщину, каждая черточка которой была ему бесконечно родной, отдать ее другому, было огромной ошибкой, настоящим провалом, фиаско, потерей, равной целой человеческой судьбе.

– Нет, Марк, ты абсолютно здоров, – спокойно ответила Надя. – Наверное, просто заработался, такое бывает. Стрессы, мало сна, много алкоголя и...

– Женщин? – усмехнулся Марк. – Ты ведь это имела ввиду?

– А разве это не так? – как можно непринужденней ответила Надя, однако Марк успел заметить, как она прикусила нижнюю губу так сильно, что на ней выступила капелька крови. И Марк еле сдержал себя, чтобы ее не поцеловать.

– Я разведен и не беден, кроме того, не урод. Так почему бы и нет?

Марк наблюдал за ее реакцией, но она оставалась невоз-

мутимой, продолжая печатать что-то в компьютер.

– Разведен? Вот жалость. Однако, Вам, Марк Анатольевич, должно быть известно, что беспорядочные половые связи и чересчур активная сексуальная жизнь вредят здоровью.

Ее пальцы продолжали быстро бегать по клавишам, и Марку захотелось со всей силы сжать ее ладони в своих, чтобы остановить их беспорядочный бег, чтобы она показала ему, наконец, себя настоящую.

– Я давно в разводе, разве тебе это неизвестно?

– Простите, Марк Анатольевич, мне некогда было за Вами следить. Да и не за чем.

– Да прекрати мне «выкать». Звучит по-идиотски, – вспылал Марк.

– Я на работе, не забывай, – примирительно заключила Надя. – После тебя у меня еще один пациент, женщина, и я боюсь, она будет очень недовольна, если я ее заставлю ждать...

– Когда я могу увидеть тебя... в более неформальной обстановке? Мне бы хотелось поговорить, посидеть где-нибудь в кафе, все-таки старые школьные друзья.

Надя проглотила «школьных друзей», не моргнув глазом, хотя ей стало почему-то очень больно.

– А Вы уже и забыли о своем сердце? – парировала она. – А ведь я еще даже не рассказала Вам методов лечения и моих рекомендаций. Вот, держите.

Она протянула ему распечатанный листок с рецептами.

– Сердце нужно беречь. Сейчас с ним все хорошо, но если продолжать относиться к нему наплевательски, рано или поздно начнутся настоящие проблемы. Я выписала гомеопатию и диету, а также необходим нормальный, полноценный сон.

– Мне только тридцать три, – возмутился Марк. – А ты понавывисывала мне столько всего, словно я дряхлый старик.

– Мне отлично известно, сколько Вам лет, у нас дни рождения в одном месяце одного и того же года.

– Надо же, какая поразительная память, – съязвил Марк. Надя сделала вид, что ей все равно.

– Так, как на счет встречи в кафе? – уже стоя в дверях спросил Марк. – Или строгий супруг будет против?

– Вовсе нет, мы не следим друг за другом, – спокойно ответила Надя.

– Кроме того, – продолжала она, – Мы живем отдельно, он в Москве, а я здесь, в загородном доме, так удобнее добираться на работу.

У Марка вдруг снова до боли сжалось сердце. Но теперь он знал причину этой боли. Ему стало вдруг безумно жаль Надю, оставленную одну в доме дураком мужем. В том, что он дурак, Марк не сомневался. Как можно не хотеть быть рядом с ней, такой красивой и хрупкой? Он тут же вспомнил, как оставил свою юную беременную жену в загородном доме просто потому, что ее не любил. Но разве можно не любить его Надежду?

Ему стало нестерпимо стыдно за то, как он говорил с ней, нагло и развязно. Но лишь на одну минуту, потому что в следующую он вспомнил, что эта красивая тварь, спокойно вззирающая на него свысока, когда-то поделила весь его мир на до и после. Овладев собой, Марк небрежно сказал:

– Прекрасно. Значит, созвонимся и сходим куда-нибудь на неделе. Мой телефон, кстати, прежний. Но если ты забыла, вот, – с этими словами он протянул Наде визитку. Она молча взяла, а потом сказала:

– Я редко бываю в Москве. Почти никогда. Очень много работы здесь, в клинике. Если ты не торопишься, мы могли бы выпить чаю у меня на веранде. Сейчас такой аромат сирени стоит, и соловьи удивительно поют.

Она опустила глаза, и Марк узнал прежнюю Надю – трогательную, добрую, ранимую девочку, которую ему хотелось защитить от всего мира. И он ее защищал, и защищал бы до конца дней своих, если бы... Если бы она не бросила его много лет назад.

– Сегодня я очень тороплюсь, – солгал он. Ему было безумно любопытно увидеть реакцию на ее красивом, холодном лице. Но она и бровью не повела, и, улыбнувшись, ответила:

– Что же, как-нибудь в другой раз, когда екнет снова там внутри. Кстати, Марк Анатольевич, непременно следуйте моим рекомендациям. Я серьезно. Была очень рада видеть.

Она протянула ему руку на прощание, но он ее не взял,

а сказал, глядя в синеву ее глаз:

– Диктуйте адрес. Завтра пятница, заскочу после работы.

Во сколько удобно?

– В восемь, я уже, скорее всего, буду дома. Вот.

Она быстро написала адрес на листке бумаги и, сложив его пополам, протянула Марку. Он взял листок и, попрощавшись, покинул ее кабинет.

Его сердце билось так громко, что ему казалось, этот стук эхом отдается в больничных коридорах. И если бы можно было перевести стук человеческого сердца, то его выдало бы фразу, точную и болезненную, как пуля: «Она лучше всех».

Глава 4

ВСТРЕЧА

«Я знаю, это покажется тебе смешным, но я постоянно гадала, любишь ли ты меня. На ромашках, срывая их, бедные, по всей округе, а потом безжалостно лишая их белоснежного оперения лепестков, оставляя одно лишь сиротливое маленькое солнышко. На сирени, пытаясь во что бы то ни стало отыскать на деревьях, как в детстве, хоть один пятипалый цветочек, а потом, о ужас, ела его, прокручивая в голове лишь одно заклинание: „Пусть он полюбит меня также сильно, как я его!“. На бабочках – замирая, протягивала свою ладонь, ждала, когда одна из них сядет на неё, и когда садилась, счастьем моему не было предела. Я ловила знаки твоей любви повсюду – в проплывающих мимо облаках, в морских камушках в форме сердечка, в строчках книг. Я разговаривала с ветром, травой и морем, умоляя природу донести своей красотой мою любовь прямо до твоего сердца. Я отдавала всю нежность миру, чтобы она, в конце концов, достигла своего назначения – тебя. Я хранила свою любовь в себе тайно, и, не признаваясь самой себе, продолжала надеяться на то, что однажды ты поверишь в неё. Я просто не могла себе запретить эту надежду. И ждала...»

Надя сидела на веранде с ноутбуком и бокалом вина. Строчки лились черными буквами по белому экрану сами, розовое полусладкое пилось легко. Она знала, что этой ночью ей не уснуть. Неожиданная встреча с человеком, вернувшим ей ее разрушенный мир, а потом разбившим этот же мир вдребезги, неожиданно дала ей узнать – у нее еще есть сердце. А иначе, что это так бешено колотится там в груди?

Конечно, если бы у Нади была хоть одна подруга, она непременно бы с ней поделилась всем, что чувствовала в этот удивительно теплый майский вечер. Но подруг у Нади не было, только коллеги по работе, с которыми можно было всегда попить кофе, но которые категорически не подходили для того, чтобы излить им душу. Со всеми проблемами и тревогами Надя давно уже привыкла делиться с мужем. Но разве мужу расскажешь, отчего так бьется в груди сердце, а на глаза наворачиваются слезы? А поскольку забытые уже, уснувшие и даже похороненные чувства неожиданно вернулись и захлестнули ее своей огромной, мощной волной, она делилась ими с единственным верным другом – компьютером.

Нет, Надя совсем не ожидала, что та наивная, незащищенная девочка, потерявшая сначала родителей, а после оставленная самым любимым человеком на свете, вдруг вернется.

Она давно уже изменилась. Стала сдержанной, наблюдательной и немного злой. Сдержанность помогала удержаться

сердце на привязи, когда оно, как безумное, рвалось к нему. Наблюдательность отвлекала от внутренних бурь и оказалась очень полезной для того, чтобы добиться своих целей. Злость давала адреналину поступить в ее кровь и текла теперь по венам вместо любви. Потому что для любви в ней места больше не было.

Возможно, она и выбрала Игоря, потому что знала, он не станет требовать от нее того, чего она дать была не в состоянии – любви.

«Я раньше очень боялась... Боялась, что меня оставят, боялась стать ненужной. Боялась сделать что-то не так, навредить, обидеть, причинить боль людям. А люди, с которыми я соприкасалась, тем временем, об этом вообще не думали. Они ранили, обижали, уходили, убивали. И я однажды то ли потеряла чувствительность, то ли сама превратилась в одного из них. Мне стало глубоко наплевать на то, как прозвучат мои слова для кого-то, какие раны я нанесу человеку. Я научилась закрывать за собой дверь так же легко, как это делали когда-то другие, оставляя меня в одиночестве и тоске. Настал час, когда я перестала бояться быть ненужной, отверженной, лишней, разлюбленной. Я закрыла душу от людей так, как закрывают на зиму летний домик, не предназначенный обогревать человека тогда, когда самому едва хватает тепла. Для многих я стала казаться надменной и холодной, а я просто устала жить в постоянном беспокойстве. И я

уже стала совсем свободной от страха потерять того, кого любишь больше жизни. А тут ты...»

Надя захлопнула ноутбук с такой яростью, что он едва не раскололся на части. Она не хотела этого всего, не хотела, чтобы боль возвращалась. Но она вернулась. И хотя ей было до смерти обидно, что Марк спокойно отказался от ее предложения встретиться сегодняшним вечером, в глубине души она была рада отсрочке. Что бы она ему сегодня сказала? И главное, как скрыла бы свое волнение, которое показывать ему совсем не хотелось?

«Завтра я уже с собой справлюсь, завтра он ни о чем даже не заподозрит», – думала Надя, надеясь усмирить нахлынувшие эмоции.

Воспоминания раздирали душу. Вот она, совсем маленькая, бежит в магазин за их с мамой любимыми «песочными» пирожными, крепко зажав денежку в кулачке. Какой она тогда была счастливой, чувствуя себя взрослой и ответственной! Тогда еще не случилась в ее семье трагедия, и мама светила от любви и счастья.

Вот они вдвоем с отцом мастерят что-то из дерева. Папа всегда любил работать руками, а Наде нравилось ему помогать. Тогда уже не было мамы, но был он, ее отец, опора, который ни за что бы ее не оставил, если бы не подвело сердце.

А вот она в семье тети, уложив братишку с сестренкой,

моет на кухне за всеми посуду, валясь с ног, но запрещая себе упиваться жалостью к себе, потому что знает – будет только хуже. Как же ее ругал Марк за эту безотказность! «Они тобой пользуются, посмотри, какая ты худенькая и бледная! Нашли Золушку»

Марк... Самое светлое и болезненное воспоминание. Устав без любви, Надя бросилась в его сначала дружеские, а потом и любимые объятия, словно маленький ребенок к своим родителям. Он был для нее одновременно и отцом, и братом, и другом, и первой и единственной любовью.

Сначала Надя ему писала. Целый год. Он ни разу ей не ответил. А потом она узнала, что он женился, и тогда впервые поняла свою маму. Она захотела к ней, куда-нибудь на небо, так сильно, что наглоталась снотворного, запив горсть таблеток дешевой настойкой. Хорошо, что однокурсница в этот день приехала к ней забрать тетрадь по химии, хорошо, что Надя забыла запереть входную дверь. Ее откачали, но она едва не лишилась печени.

Там же в больнице юная студентка с разбитым сердцем встретила своего будущего мужа. Он был как ангел в своем белом халате. И что ей особенно нравилось в Игоре – это то, что он никогда не спрашивал о причине ее суицида.

Они сразу подружились, и хотя Надя никогда не испытывала к нему того, что довелось ей пережить с Марком, она была безмерно благодарна за отеческую заботу, которой ее окружил супруг. Возможно, сказалось ее раннее сиротство,

но с Игорем ей было хорошо и впервые после всех ее душевных бурь спокойно.

Она целиком и полностью ушла в учебу, а затем и в работу. Поначалу они немало путешествовали, старались проводить как можно больше свободного времени вдвоем, даже в магазин за продуктами ходили вместе. С Игорем Наде было очень уютно и комфортно. Его жизненная мудрость не раз спасала ее от депрессивных мыслей. Она слушалась его, доверяла целиком и полностью, зная, что этот человек никогда от нее не откажется.

«Всю жизнь ищешь родственную душу, – сказал он ей как-то. – Сходишься с людьми, расходишься. Ошибаешься, повторяешь поиски снова и снова, даже на минуту боясь представить, что ее на самом деле нет. Идешь дальше, смотришь на небо, спотыкаешься, падаешь и встаешь, разбиваешь сердце вдребезги, собираешь его осколки, плачешь, улыбаешься сквозь слезы и веришь. Веришь в то, что однажды обязательно найдешь своего человека, такого же неидеального, как ты, но родного и близкого до каждого атома. И так из жизни в жизнь... Я нашел тебя, я это точно знаю, моя Надежда».

Поначалу Марк ей снился. А потом перестал. Она задвинула все воспоминания о нем, как задвигают ненужные вещи в самую глубь старого комода. Но это не значит, что их там больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.